
**Тайна
присутствия:
Бог в мире
и человеке**

IX Международная
конференция
по наследию
митрополита
Антония Сурожского
22–24 сентября
2023 г.

М. А.

ФОНД «ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ
СУРОЖСКОГО»

Москва
2024

УДК 281.9
ББК 86.772
Т14

Т14 **Тайна присутствия : Бог в мире и человеке :**
IX Международная конференция по наследию митрополита Антония Сурожского 22–24 сентября 2023 г. — Москва : Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2024. — 232 с.
ISBN 978-5-903898-48-0

УДК 281.9
ББК 86.772

ISBN 978-5-903898-48-0

© Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2024

Содержание

7 К читателям

Доклады

- 11 *Протоиерей Владимир Архипов*
Размышления о достоверности Божьего присутствия
- 18 *Элизабет Феокритова*
Христос среди нас как Служащий
- 27 *Марина Валентиновна Михайлова*
Прощение как присутствие
- 49 *Анна Ильинична Шмаина-Великанова*
Присутствие — слава — облако — Слово — ближний: учение владыки Антония о Божественном присутствии в свете библейских, раннеиудейских и раннехристианских представлений
- 57 *Наталья Владимировна Ликвинцева*
Опыт мистика и рефлексия богослова: термин «Присутствие» в мысли Симоны Вейль, архимандрита Льва (Жилле) и митрополита Антония Сурожского
- 70 *Александр Дмитриевич Пономарев*
Богооставленность Христа на Кресте как наивысшая мера солидарности и присутствия в страданиях человека
- 91 *Константин Михайлович Мацан*
Присутствие Бога и «отсутствие» человека: опыт чтения текстов митрополита Антония Сурожского

- 99 *Сергей Анатольевич Чурсанов*
Из индивидуалистического плена навстречу Богу и людям: богословские категории «личность» и «индивид» в пастырском наследии митрополита Антония Сурожского
- 111 *Алексей Васильевич Лызлов*
Искание Царства Божия как преодоление обезличенности
- 116 *Николай Николаевич Подосокорский*
Богословие Ф. М. Достоевского в восприятии митрополита Антония Сурожского
- 150 *Юлия Александровна Штонда*
«Мы будем молиться вместе как единое тело»: образ христианской общины в богословии митрополита Антония Сурожского
- 159 *Протоиерей Андрей Юревич*
Трое в лодке.
Размышления о присутствии Божиим в браке
- 165 *Федор Михайлович Шаньков*
«Вернись в дом твой...»: утрата и обретение дома в понимании и опыте митрополита Антония Сурожского
- 173 *Ирина Константиновна Языкова*
Видеть реальность. Уроки владыки Антония Сурожского
- 184 *Алексей Михайлович Гагинский*
Красота и тайна присутствия: философские наблюдения
- 203 *Фредерика де Грааф*
Как добраться со Христом и во Христе до глубины тайного источника Живой воды в каждом из нас?
- 224 Сведения об авторах опубликованных докладов

Молитва рождается, когда мы открываем, что мир имеет глубину, что мы не просто окружены видимым, но погружены в невидимое и пронизаны им. И это невидимое — одновременно Присутствие Божие, высшая и предельная реальность, и глубинная сущность человека. Видимое и невидимое не противостоят друг другу, но и не просто накладываются; они присутствуют одновременно, взаимодействуя, как огонь и раскаленное железо.

Митрополит Сурожский Антоний

К читателям

22—24 сентября 2023 г. Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского» совместно с Домом русского зарубежья им. А. И. Солженицына провел IX конференцию по наследию митрополита Антония Сурожского «Тайна присутствия: Бог в мире и человеке».

Темой конференции было избрано понятие «присутствие» — одно из наиболее важных и частых в размышлениях митрополита Антония. Говоря о Встрече человека с Богом, мы с неизбежностью обращаемся к вопросу о том, в чем именно проявляется Божественное присутствие в мире и человеке. Присутствие Божие в Церкви и ее таинствах, откровение человеку через Красоту в природе и искусстве, присутствие Бога в человеке и в отношениях между людьми; горестное человеческое переживание отсутствия Бога в жизни; поиск человеком присутствия в самом себе, обретения личностной целостности в предстоянии перед Богом — эти темы, рассматриваемые не отвлеченно, а в связи с творческим наследием митрополита Антония, мы сделали основными смысловыми направлениями нашей конференции, постаравшись по возможности всесторонне обсудить различные их аспекты в контексте современного

Богословие Ф. М. Достоевского в восприятии митрополита Антония Сурожского¹

Имена двух выдающихся православных богословов Нового времени — писателя Ф. М. Достоевского (1821–1881)² и митрополита Сурожского Антония (в миру — Андрея Борисовича Блума) (1914–2003)³ — могут быть поставлены в один ряд на

¹ Более краткий вариант (оригинал) данной статьи, из которого вырос доклад и этот значительно расширенный и дополненный текст, опубликован: Подосокорский Н. Н. «Одновременно я открыл Евангелие и Достоевского»: Митрополит Сурожский Антоний о Ф. М. Достоевском // Достоевский: материалы и исследования. 2024. Т. 24 (в печати).

² Как поясняет Татьяна Касаткина, «философия и богословие Достоевского — это философия и богословие, изложенные принципиально другим способом, чем мы привыкли видеть в философских и богословских трактатах — а выражены они так потому, что их создатель ставит перед собой другую цель: не систематизировать и передать интеллектуальное знание — а инициировать преобразование человека» (Касаткина Т. А. Введение // Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М., 2021. С. 15).

³ Об особенностях богословствования владыки Антония писали: Кырлежев А. И. Митрополит Антоний Сурожский — «заезжий православный миссионер» в России // Континент. 1994. № 82. С. 234–236; Ликвинцева Н. В. «Все человечество — единый, сильный поток жизни»: митрополит Антоний Сурожский о способности человека быть живым // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 131; Михайлов П. Б. Богословский метод владыки Антония // Человек в богословии митрополита Антония Сурожского: Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г., Москва. М., 2013. С. 71–85; Шмагина-Великанова А. И. Насилие и жертва в богословии митрополита Антония // Человек в богословии митрополита Антония Сурожского: Доклады Второй

том основании, что оба деятеля обладали удивительным даром (один его проявлял главным образом через свое литературное творчество, другой — через непосредственное церковное служение и устную проповедь) приводить ко Христу многих людей, которые либо о Нем забыли, либо никогда в Него прежде по-настоящему не верили. По словам И. А. Кирилловой, хотя у владыки Антония «не было формального богословского образования», он «был по призванию пастырским богословом, умеющим блестяще раскрыть это богословие современному человеку, пытающемуся понять, как верить, как жить»⁴. Сам владыка Антоний ориентировался в своих проповедях не на отвлеченное «ученое» богословие, а на мудрость тех богословов, которые «знали Бога так, что другие приходили к ним и открывали Его для себя, потому что через них сиял свет Божий»⁵.

Т. А. Касаткина, которая из современных достоевистов наиболее часто и содержательно обращается в своих статьях и книгах о Достоевском к трудам митрополита Антония, констатирует: «Митрополит Антоний настойчиво продолжал в современном восточнохристианском мире то изменение глаза, которое масштабно начал Достоевский. Ср., например, их программные высказывания: “Христианство есть доказательство

международной конференции 11–13 сентября 2009 г., Москва. М., 2013. С. 86–102; Вакуленко Н. С. Методология митрополита Сурожского Антония (Блума) // Христианское чтение. 2016. № 3. С. 129–132; и др. По словам Т. А. Касаткиной, «митрополит Антоний не только богослов, но богослов, который всех вокруг делает богословами, потому что он показывает, как иначе, в ином свете можно увидеть обстоятельства самой обыденной жизни — и своей собственной, и всех вокруг. И таким образом он показывает, как никто не исключен из этого круга богообщения, богопознания и богоприсутствия» (Касаткина Т. А. Выступление на презентации книги митрополита Сурожского Антония «Спасение мира». 25 декабря 2017 г., Москва, благотворительный фонд «Предание». Аудиозапись. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=44CsrxaSB1o> (дата обращения: 31.08.2024)).

⁴ Кириллова И. А. Встречи. Замечательные русские люди в России и в эмиграции. М., 2012. С. 220.

⁵ Антоний Сурожский, митр. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002) / пер. с англ. Е. Ю. Садовниковой. 5-е изд. М., 2024. С. 214.

того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть», — писал Ф. М. Достоевский. «Неужели не понимаем, — пишет митрополит Сурожский Антоний, — человек так велик, что Бог может стать Человеком и человек остается собой? И что так велика тварь, которую Бог призвал к бытию, что человек может вместить в себя Бога?»⁶.

Митрополиту Антонию «очень близка была страстная любовь Достоевского к Христу», который «был сердцем и основой его веры»⁷. При этом владыка, с одной стороны, был твердо убежден в том, что писать всегда надо только из своего внутреннего опыта⁸, а с другой стороны, по верному наблюдению А. И. Шмаиной-Великановой, не видел принципиальной разницы между впечатлениями от чтения художественных произведений и непосредственным проживанием жизни⁹. Собственно самые первые свои беседы с прихожанами в Лондоне Антоний Сурожский, по его воспоминаниям, посвятил именно русской литературе¹⁰. Как отмечает И. А. Кириллова, «отец Антоний много читал и за долгую жизнь собрал очень личную, своеобразную библиотеку трудов на темы, его интересовавшие. У него стояли избранные тома святоотеческих писаний, некоторых ранних западных святителей, он особенно любил св. Иринея Лионского, его любимых поэтов, в частности Баратынского, Блока, Гёте, Виктора Гюго, и целый ряд психологических трудов ведущих современных психологов, из которых он больше всего ценил

6 Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 75–76.

7 Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 36 / гл. ред. Б. Н. Тихомиров; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб., 2018. С. 91.

8 См.: Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. М., 2022. С. 521–522.

9 См.: Духовное наследие митрополита Антония Сурожского: Материалы Первой Международной конференции (28–30 сентября 2007 г., Москва). М., 2008. С. 343.

10 См.: Антоний Сурожский, митр. Бога нельзя выдумать. Беседы с подростками о Христе и Церкви. М., 2022. С. 159.

[Карла] Густава Юнга»¹¹. Духовная дочь владыки монахиня Ксения (Соломина-Минихен) сообщает в своих мемуарах, что отец Антоний даже служил ежегодные панихиды по А. С. Пушкину¹² (по свидетельству Е. Л. Майданович, инициатором их был независимый русский культурный центр Великобритании — «Пушкинский дом» в Лондоне).

В своих публичных выступлениях владыка Антоний беспрецедентно часто (речь идет как минимум о нескольких десятках упоминаний, зафиксированных только в опубликованных текстах его бесед, интервью, проповедей и проч.) обращался к творчеству Достоевского. Это тем более знаменательно, что в целом, по словам А. И. Кырлежева, речи владыки была свойственна «экзистенциальность без всякой литературности»¹³. Еще в молодости «проницательным умом врача он вникал в психологические прозрения русского романа девятнадцатого столетия»¹⁴, а позднее вспоминал, что именно чтение Достоевского открыло для его поколения духовные ценности и большую правду жизни: «Художник, который изнутри своего... опыта жизни, опыта человека, опыта Бога выражал бы себя или музыкой, или в живописи, или в литературе, — такой художник, мне кажется, может открыть духовные ценности и для других. Поэтому я не думаю, что можно просто сказать: пишите только аскетическую

11 Кириллова И. А. Встречи. Замечательные русские люди в России и в эмиграции. С. 211–212.

12 См.: Ксения (Соломина-Минихен), мон. «Господь любит нас огненной любовью»: О владыке Антонии, митрополите Сурожском. М., 2015. С. 50, 173.

13 Кырлежев А. И. Митрополит Антоний: контекст жизни и служения // Духовное наследие митрополита Антония Сурожского: Материалы Первой Международной конференции (28–30 сентября 2007 г., Москва). М., 2008. С. 53. О том же пишет и О. А. Седакова: «Владыка совсем не часто вспоминал в своих беседах поэтов, художников, да и вообще искусство» (Антоний Сурожский, митр. Красота и уродство: Беседы об искусстве и реальности. М., 2022. С. 9). Тем не менее в выступлениях владыки содержится немало обращений к творчеству Ф. Рабле, В. Скотта, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, Ч. Диккенса, Н. П. Огарева, И. С. Тургенева, Э. А. По, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, Ч. У. С. Уильямса, Ж. Бернаноса, К. С. Льюиса и других писателей.

14 Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 506.

литературу, и ничего другого, — девять из десяти людей не станут читать вашей духовной литературы; к ней надо прийти. Скажем, в моем поколении чтение Достоевского сыграло колоссальную роль, как и чтение целого ряда других писателей — причем не обязательно благочестивых или особенно устремленных в этом направлении, а просто писателей, у которых была большая правда человеческая, которые нас научили правде раньше, чем чему-либо, и довели куда-то. Поэтому я не думаю, что можно было бы оптом сказать людям: перестаньте заниматься творчеством, а занимайтесь молитвой, — человек может перестать заниматься одним и не быть в состоянии заниматься другим»¹⁵.

В интервью Дмитрию Сапрыкину 21 июня 2001 г. митрополит Антоний высказался уже не просто о восприятии своего «поколения», но непосредственно о своем личном знакомстве с творчеством Достоевского в юности и о том, какое огромное влияние оно на него оказало: «Когда я поступил в университет в Париже, в Сорбонну, на факультет естественных наук, физики, химии, биологии, одновременно мне раскрылся Достоевский и одновременно я встретил Церковь. И вот эти три вещи меня вдохновили. Наука, как она преподавалась учеными, а не школьными учителями, раскрыла предо мной целый мир сотворенного. Достоевский открыл предо мною целые глубины человеческие. А Церковь — Божий мир. И этого я желаю всем»¹⁶.

Об *одновременности* открытия для себя Достоевского и Евангелия владыка говорил и за много лет до этого. Например, в беседе со своими прихожанами в Лондоне 12 июня 1989 г.: «Я открыл для себя физику, химию, биологию в университете, и одновременно я открыл Евангелие и Достоевского, и помню, как одно подкрепляло другое и как я видел в учении Мориса Кюри и других о физике развертывающуюся картину творения Божия.

¹⁵ Антоний Сурожский, митр. О встрече. 2-е изд. Клин, 2004. С. 129–130.

¹⁶ Интервью с митрополитом Сурожским Антонием. Интервью записал Дмитрий Сапрыкин 21 июня 2001 г. URL: <https://antsur.ru/ru/intervyu-s-mitropolitom-surozhskim-antoniem-21-iyunya-2001-g/> (дата обращения: 31.08.2024).

Это не были мистические переживания в том смысле, что я не подменял физические факты чудесами, но это видение все росло, расширялось, углублялось. И чем больше углубляешься, тем шире открывается горизонт, и тем больше поводов удивляться, и тем больше новых возможностей для открытий, словно идешь ко все расширяющемуся горизонту. И мне кажется, это возможно, только если ты сам неходишь составной частицей в то, что изучаешь. Можно смотреть на бушующее море, стоя на берегу, но невозможно смотреть на бурю, если сам тонешь в ней»¹⁷.

Сближает митрополита Антония Сурожского с Достоевским и отсутствие страха перед «неудобными» вопросами к их вере со стороны представителей современной науки и актуальной культуры, ибо в их представлении они не конфликтуют, но обогащают друг друга¹⁸. В беседах о Церкви, проведенных в 1990–1991 гг., владыка заметил: «Я знаю, например, людей, которые были неверующие, потому что думали, что быть верующим значит быть некультурным, и вдруг, прочитав то или другое произведение, скажем, Достоевского, обнаружили, что можно быть высоко культурным человеком, с большим умственным размахом, — и будучи верующим. И это им помогло, им перестало быть “стыдно” быть верующим»¹⁹.

Некоторое духовное сродство владыки Антония с художественным миром Достоевского было обусловлено тем, что и для него, и для Достоевского настоящее искусство существовало не для развлечения, но для возвышения и преображения человека. Об этом любил вспоминать сам владыка, не принимающий произведение литературы, «у которого нет никакой цели, кроме того, чтобы принести нечто вроде поверхностного удовольствия — то, что Достоевский называл “щекотанием

¹⁷ Антоний Сурожский, митр. Труды. 3-е изд. Кн. 2. М., 2014. С. 822.

¹⁸ В беседе, состоявшейся 4 октября 2001 г., владыка вновь подчеркнул, что «вопросание — это не неверие» и что «ставить вещи под вопрос способен только тот, у кого есть подлинная вера и уверенность» (Антоний Сурожский, митр. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002). С. 20–21).

¹⁹ Он же. По ступеням веры. М., 2024. С. 411.

нервов»²⁰. По утверждению митрополита Антония, «Достоевский <...> считал, что изобразить ужас, не показав, как его преодолеть, — это плохое искусство. Например, картина должна показывать нам трагедию так, чтобы мы могли увидеть в ней свет, наступающую зарю»²¹.

Влияние идей Достоевского на Антония Сурожского было не только прямым, но и опосредованным. Косвенно повлиявший своей прозелитической лекцией на религиозное обращение пятнадцатилетнего Андрея Блума²² богослов, инспектор Свято-Сергиевского православного богословского института протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944) был к тому времени автором ряда публикаций о Достоевском («Иван Карамзев как философский тип» (1902), «Васнецов, Достоевский, Соловьев и Толстой. Параллели» (1902), «Очерк о Ф. М. Достоевском: Чрез четверть века (1881–1900)» (1906), «Венец терновый (памяти Ф. М. Достоевского)» (1906), «Русская трагедия (о “Бесах” Достоевского)» (1914)), и не исключено, что в том своем выступлении он также обращался к наследию великого писателя, поскольку, по его собственному признанию, относил Достоевского «к числу своих духовных отцов» (см. его письмо к вдове писателя А. Г. Достоевской от 16 июня 1906 г.²³). Булгаков использовал

²⁰ Антоний Сурожский, митр. Красота и уродство: Беседы об искусстве и реальности. С. 46.

²¹ Там же. С. 156–157.

²² Именно после лекции о. Сергия Булгакова, которая очень не понравилась будущему владыке, Андрей Блум отправился домой, чтобы лично прочесть Евангелие и убедиться уже наверняка в том, насколько оно правдиво или лживо. В этот день он и обрел веру на всю последующую жизнь, почувствовав во время чтения Евангелия от Марка подлинное присутствие Христа возле себя. Вот как об этом рассказывает сам Антоний Сурожский: «Он меня привел в такое состояние, что я решил не возвращаться на волейбольное поле, несмотря на то, что это была страсть моей жизни, а ехать домой, попробовать обнаружить, есть ли у нас дома где-нибудь Евангелие, проверить и покончить с этим; мне даже на ум не приходило, что я не покончу с этим, потому что было совершенно очевидно, что он знает свое дело, и, значит, это так» (Антоний Сурожский, митр. Труды. 3-е изд. Кн. 1. М., 2014. С. 247).

²³ Из архива А. Г. Достоевской. Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова.

идеи и образы Достоевского и в других своих работах²⁴. По его мнению, все книги Достоевского, особенно последних лет, были «написаны о Христе, во всех Он является истинным, хотя и незримым центром, иногда выступая открыто. Величайшее торжество гения Достоевского состоит именно в том, что он, сняв церковную позолоту и византийскую традиционность, по-новому, по-своему сумел в своих произведениях дать почувствовать живого Христа, он ставит Его как бы среди нас и, приближая Его, научает любить Его»²⁵.

Первый и главный духовный наставник владыки — настоятель Трехсвятительского подворья в Париже архимандрит Афанасий (Нечаев) (1886–1943), на лице которого при их первой встрече юный Андрей Блум неожиданно увидел сияние вечной жизни и сразу же попросился к нему в ученики²⁶, — также в юности испытал колоссальное влияние произведений русского писателя и, по его признанию, «читал всего Достоевского». В частности, он вспоминает о своем послушании в Валаамском монастыре в середине 1920-х гг. следующее: «После долгого перерыва в чтении захотелось чего-нибудь классического, русского. Потянуло страшно к Достоевскому. Прихожу в библиотеку и спрашиваю у о. Иосифа, библиотекаря, “Братьев Карамазовых”. “Послушникам у нас не разрешается чтение светских книг”, — был ответ. Это было для меня совершенно неожиданно. Я начал настаивать: “Послушник послушнику рознь. Я-де из интеллигенции и к тому же читал уже всего Достоевского”.

Переписка с В. В. Розановым / публ. Э. Гаретто // Минувшее: Исторический альманах. № 9. Р., 1990. С. 249.

²⁴ О влиянии Достоевского на философию и богословие о. Сергия Булгакова см.: Гачева А. Г. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2007. Т. 1. С. 18–96; Новикова Е. Г. Ф. М. Достоевский и книга С. Н. Булгакова «Философия хозяйства» // Вестник Томского гос. ун. Филология. 2012. № 4 (20). С. 81–86.

²⁵ Булгаков С. Н. Венец терновый. Памяти Ф. М. Достоевского // Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 2: Избранные статьи / сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. И. Б. Роднянской. С. 227.

²⁶ См.: Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 59.

“Нет, без разрешения о. игумена не могу выдать”. Я решил идти к о. игумену в той уверенности, что для меня-то он, конечно, сделает исключение. Прихожу, спрашиваю. “Нет у нас такого обычая, чтобы читать послушникам светские книги”. Мое самолюбие было больно уязвлено. Но решительный тон игумена сразу смирил меня. Все же я вздумал “пожаловаться” своему духовнику о. Ефрему. Тот как услышал, так и залился смехом: “Вот так монах, пришел в монастырь читать Достоевского”. И тогда я понял, как это в самом деле нелепо. Да, “всякой вещи свое время и свое место”, как изрек Соломон»²⁷.

В приведенном мемуаре удивляет не столько традиционный консерватизм монастырской среды и конечное смирение послушника Афанасия (он также впоследствии прививал это качество молодому Андрею Блуму), сколько настойчивость, с которой он добивался для себя права читать Достоевского в монастыре. Нельзя не заметить, что в отношении всех других запретов отец Афанасий, согласно его воспоминаниям, отнюдь не был настолько упорен в желании дойти до самой последней монастырской инстанции. Впрочем, к тому времени со смерти Достоевского не прошло и полвека, и скепсис монахов был вполне понятен и объясним. Важно другое — духовного учителя будущего митрополита Антония «потянуло страшно к Достоевскому» именно в монастыре. В конце своих воспоминаний о Валааме отец Афанасий, в частности, заключает: «И то правда, что наши русские монастыри не приспособлены для интеллигента. Нет в них поприща для интеллектуальной деятельности. Образованные монахи учились в духовных академиях и занимались педагогической деятельностью в духовных школах. Так и мне пришлось идти работать умом, учиться богословским наукам»²⁸.

Когда в 1943 г. отец Афанасий умер, молодой монах Антоний оказался в замешательстве — ему представлялось, что невозможно будет найти нового духовника, который бы мог

заменить ему прежнего. Однажды, сидя в комнате в раздумье по этому поводу, он в очередной раз спросил себя: «Что же мне делать»? После чего, как ему показалось, он услышал внутренний голос: «Почему ты ищешь духовного отца? Я все еще жив»²⁹. Мне это напоминает сцену в главе «Кана Галилейская» в романе «Братья Карамазовы», в которой Алеша в видении встречает недавно умершего старца Зосиму³⁰.

Помимо отца Афанасия (Нечаева), «определяющее влияние на формирование» Антония Сурожского в годы его студенчества³¹ оказал архимандрит Лев (Жилле) (1893–1980), православный богослов и церковный писатель, публиковавшийся под псевдонимом Монах Восточной Церкви. Именно он, зачитывавшийся в свое время Достоевским³², посоветовал будущему владыке раз и навсегда отказаться от прочтения текстов по бумажке перед аудиторией и говорить всегда только от себя, несмотря на ошибки в произношении (митрополит Антоний сначала совсем не знал английского языка) и неизбежные неточности при воспроизведении цитат по памяти³³, — этому наказу митрополит Сурожский затем следовал всю свою жизнь, став в итоге выдающимся проповедником Христовым. «Не носим ли мы печать его апостольства?»³⁴ — с таким риторическим вопросом обращался митрополит Антоний в своей проповеди к собравшимся в апреле 1980 г. по случаю погребения отца Льва.

И. А. Кириллова, близко дружившая с митрополитом Антонием и известная как переводчик британской королевской

²⁹ Кроу Д. «Этот бесценный человек»: воспоминания о митрополите Антонии / пер. с англ. И. Таласйоки и И. Пиляр. М., 2021. С. 159.

³⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14. С. 327.

³¹ См.: Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 92.

³² См.: Ликвинцева Н. В. Архимандрит Лев (Жилле) в контексте истории русского зарубежья // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2018. С. 118, 120.

³³ См.: Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 260.

³⁴ Он же. Проповедь на погребение архим. Льва (Жилле). Апрель 1980 г. URL: <https://antsur.ru/ru/propoved-na-pogrebenie-arhim-lva-zhille-aprel-1980-g/> (дата обращения: 31.08.2024).

²⁷ Афанасий (Нечаев), архим. От Валаама до Парижа. М., 2011. С. 82–83.

²⁸ Там же. С. 94.

семьи, преподаватель русской литературы в Ньюэ-м-колледже Кембриджского университета и специалист по творчеству Достоевского³⁵, вспоминает, что во время совместных поездок с владыкой (она часто выступала в роли его бесплатного и добровольного шофера, поскольку владыка, получавший небольшое жалованье, не мог позволить себе иметь личную машину, а в последние годы жизни Антония Сурожского занимала пост председателя Епархиального собрания Сурожской епархии) они в разговорах «постоянно возвращались к той или иной теме романов Достоевского или к образам героев из его Великого пятикнижия»³⁶.

³⁵ Примечательно, что и свою книгу «Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления» (2010) И. А. Кириллова посвятила памяти митрополита Антония Сурожского. В предисловии к ней она отмечает: «Митрополит Антоний, для которого образ Христа был столь же страстно живым, как и для Достоевского, полностью поддерживал мою концепцию, мою “эзегетику” образа князя Мышкина. Для него, как и для меня, было неприемлемо истолкование князя как до конца “положительно прекрасного”, хриstopодобного лица, и страшное окончание романа он считал совершенно оправданным. Митрополит Антоний хорошо знал Достоевского. Он, врач и священник, разделял мое понимание его как писателя-реалиста в плане и физически-историческом, и одновременно духовно-символическом» (Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. М., 2010. С. 8–9).

³⁶ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским. С. 89. Мемуары Кирилловой о частных разговорах с владыкой Антонием о Достоевском представляют большую ценность, но из них не всегда можно понять, идет ли речь о собственной точке зрения митрополита (почти всегда — оригинальной и подчас парадоксальной) или же всего лишь о близких и интересных ему мнениях самой Кирилловой и цитируемых ею философов (Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского, Г. В. Флоровского и др.). Например, она пишет: «Он был вполне согласен с утверждением Бердяева» (Там же. С. 90); «любимый владыкой отец Георгий Флоровский подводит итог мысли Достоевского с такой же лаконичностью, как это делал владыка» (Там же. С. 92); «как отец Георгий и другие религиозные мыслители ранней эмиграции, владыка считал...» (Там же. С. 92); «Владыка поддерживал отца Георгия в его мысли» (Там же. С. 93); «владыка проявлял живой интерес к моей концепции образа князя Мышкина» (Там же. С. 94); «мы с владыкой считали эту теорию Юнга особенно применимой в интерпретациях “Идиота”, “Бесов” и “Братьев Карамазовых”» (Там же. С. 98); и т. п. Очевидно, что в дружеских беседах, не рассчитанных на публичную аудиторию, довольно легко создается иллюзия

По ее словам, из эмигрантской литературы, «редко обходившейся без обсуждения Достоевского», особенно близка мыслям владыки была книга Н. А. Бердяева (1874–1948) «Мирозерцание Достоевского» (1923)³⁷. «Священная тема Достоевского: человек, — пишет Кириллова, — была темой всего служения владыки, сначала как врача, в военное и мирное время, а потом как священника и епископа. Его пастырское богословие отличается сродным Достоевскому прозрением в мятежную душу современного человека и перекликается со словами Бердяева: “...Достоевскому дано было познать человека в страстном, буйном, иступленном движении, в исключительной динамичности”; он “возвращает веру в человека, в глубину человека”»³⁸.

О ранних, докаторжных произведениях писателя митрополит Антоний, по свидетельству И. А. Кирилловой, «почти не говорил», отмечая, впрочем, удивительную точность описания шизофрении в «Двойнике»³⁹. Огромное значение «Записок из подполья» он признавал, но их «не любил», поскольку их герой был ему «слишком противен»⁴⁰. Наиболее же высоко владыка ценил романы так называемого Великого пятикнижия, «Записки из Мертвого дома» (сравнивая их с произведениями А. И. Солженицына о советском ГУЛАГе) и некоторые из поздних рассказов: «Бобок», «Кроткая» и «Сон смешного человека»⁴¹.

Чаще всего митрополит Антоний вдохновлялся в своих выступлениях отдельными местами из романа «Братья Карама-

полного взаимного согласия, поддавшись которой, даже самому умному человеку может казаться, что его внимательный и учтивый собеседник целиком разделяет его суждения, а не всего лишь проявляет по отношению к ним любопытство и понимание.

³⁷ Об особенностях восприятия Н. А. Бердяевым богословия Достоевского см.: Магарил-Ильяева Т. Г. Богословие Ф. М. Достоевского в понимании Бердяева // Достоевский и мировая культура: Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 117–139.

³⁸ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским. С. 90.

³⁹ См.: Там же. С. 91.

⁴⁰ Там же. С. 92.

⁴¹ См.: Там же. С. 91.

зовы»⁴² (он вспоминает о бунте Ивана Карамазова против Бога и желании вернуть Ему «билет»⁴³; о «проклятых вопросах»⁴⁴ и проч.), гораздо реже — цитатами из «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Дневника писателя» и других текстов.

Обращения митрополита Антония к роману «Преступление и наказание», который, по словам И. А. Кирилловой, он «считал художественно наиболее совершенным»⁴⁵, затрагивают самые глубинные смыслы этого произведения. В одной из бесед с прихожанами первой половины 1980-х гг. он апеллирует к судьбе Раскольникова, рассуждая о «величине» смертного греха: «При обычных обстоятельствах смертный грех убивает, мелкий — нет; но смертный грех не всегда убьет, и мелкий грех может оказаться убийственным. <...> Раскольников в каком-то смысле спасен, несмотря на то что он совершил убийство, — так часто бывает, когда мы совершили что-то отчаянно дурное и приходим в чувство, оно не уничтожило нас до конца»⁴⁶.

Антоний Сурожский обращает внимание на то, что перед Богом не существует никакой четкой, неизменной иерархии греха, как и нет *общей участи* для всех преступников: спасение человека зависит от множества факторов, и даже убийца при определенных обстоятельствах вовсе не окончательно утрачивает способность к богообщению. Это, конечно, противоречит мнению тех Достоевистов, которые считают, что сам факт

совершения убийства Раскольниковым в той форме, в какой он его совершил, обрекает его на вечную погибель⁴⁷.

В другой беседе, состоявшейся 15 мая 1987 г. в Москве, владыка цитирует пьяную исповедь Мармеладова, отвечая на вопрос, есть ли в православии место предопределению: «Это не предопределение, а призвание. Господь всех зовет: придите ко Мне *все!* В каком-то смысле почти можно взять тираду Мармеладова: “Придите ко мне, мои пьяненькие...”»⁴⁸ Также, по воспоминаниям И. А. Кирилловой, главу Сурожской епархии в этом романе интересовал психологический поединок между Раскольниковым и следователем Порфирием Петровичем, описание которого он считал «безупречным», и образ Свидригайлова⁴⁹. Соню Мармеладову он рассматривал «как раннюю попытку Достоевского изобразить образ ясновидящей юродивой и ее выход на улицу как характерную черту определенного типа юродства»⁵⁰.

Главного героя романа «Идиот» (1868–1869) князя Мышкина владыка Антоний сравнивал с героем любимой им повести французского писателя Жоржа Бернаноса (1888–1948) «Дневник сельского священника» (1935–1936), причем для него это

⁴² Это отчасти схоже с восприятием Достоевского протоиереем Александром Шмеманом (1921–1983), который также особо выделял этот роман из всего творчества писателя, о чем свидетельствует запись в его дневнике: «Достоевского прочел, но за исключением “Братьев Карамазовых” не перечитывал, не тянуло никогда» (*Шмеман А., прот.* Дневники, 1973–1983 / сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман; предисл. С. А. Шмемана; примеч. Е. Ю. Дорман. 6-е изд., испр. М., 2021. С. 189).

⁴³ *Антоний Сурожский, митр.* Труды. Кн. 1. С. 106.

⁴⁴ Там же. С. 392.

⁴⁵ *Кириллова И. А.* Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским. С. 93.

⁴⁶ *Антоний Сурожский, митр.* Труды. Кн. 3. М., 2020. С. 129.

⁴⁷ См., например: *Сараскина Л. И.* «Наметив подходящую жертву...» Стандарты интерпретаций // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 27. СПб., 2010. С. 231–246.

⁴⁸ *Антоний Сурожский, митр.* Труды. Кн. 1. С. 926. Здесь у владыки Антония цитата, как и в других случаях, несколько изменена. У Достоевского Мармеладов говорит следующее: «И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!” И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: “Свиньи вы! образа звериного и печати его; но придите и вы!”» (*Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 6. С. 21). Исповеди Мармеладова как глубокому и трансформирующему читателя тексту посвящена недавняя замечательная статья Т. А. Касаткиной: *Касаткина Т. А.* Как и для чего формируется в произведениях Достоевского «указующий перст» автора: Радикальное богословие Достоевского в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура: Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 27–51.

⁴⁹ См.: *Кириллова И. А.* Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским. С. 93–94.

⁵⁰ Там же. С. 94.

сопоставление, по словам И. А. Кирилловой, «выявляло утопический характер “нового христианства” князя сравнительно с выстраданной кенотической верой и словами героя Бернаноса»⁵¹. Т. А. Касаткина замечает, что «то состояние, в которое приводит Достоевский князя Мышкина в конце романа, православным мыслителем воспринимается *как единственно возможное адекватное описание той смерти*, которая может *длиться долго*, которой вообще свойственно *длиться*, которую можно в пределе помыслить как вечную. Митрополит Антоний Сурожский пишет: “Разумеется, есть смерть биологическая, но есть также то, что Романо Гуардини называет “смертью биографической”, — смерть, которая гораздо страшнее телесной: она-то (т. е. телесная смерть. — Т. К.) может оказаться победой, миром, высвобождением. Биографическая смерть имеет иной характер и может тянуться долго; это смерть переживших себя существ: они потеряли разум, но телом продолжают оставаться среди нас”»⁵².

Личный опыт Достоевского как человека, непосредственно оказавшегося перед лицом, казалось бы, неминуемой смертной казни, был также важен и поучителен для владыки Антония. В беседах о смерти с членами лондонского прихода в 1984 г. митрополит Антоний, в частности, говорил следующее: «Достоевский в дневнике рассказывает о том, что случилось с ним, когда, приговоренный к смерти, он стоял перед казнью, — как он стоял и смотрел вокруг себя. Как великолепен был свет, и как чудесен воздух, которым он дышал, и как прекрасен мир вокруг, как драгоценен каждый миг, пока он был еще жив, хотя на грани смерти. “О, — сказал он в тот миг, — если бы мне даровали жизнь, ни одно мгновение ее я не потерял бы...” Жизнь была дарована — и сколько ее было растеряно!

Если бы мы сознавали это, как бы мы относились друг к другу, да и к себе самим? Если бы я знал, если бы вы знали, что

человек, с которым вы разговариваете, может вот-вот умереть и что звук вашего голоса, содержание ваших слов, ваши движения, ваше отношение к нему, ваши намерения станут последним, что он воспримет и унесет в вечность, как внимательно, как заботливо, с какой любовью мы бы поступали!.. Опыт показывает, что перед лицом смерти стирается всякая обида, горечь, взаимное отвержение. Смерть слишком велика рядом с тем, что должно бы быть ничтожно даже в масштабе временной жизни»⁵³.

Владыка Антоний здесь приводит несколько измененную цитату из первой части романа «Идиот», в которой князь Мышкин рассказывает генеральше и сестрам Епанчиным о том, какую муку испытывает приговоренный к смерти: «Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!” Он говорил, что эта мысль у него наконец в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили»⁵⁴.

Слова героев «Идиота» из пятой главы третьей части романа о *спасении мира красотой*⁵⁵ также нашли отражение в богословских построениях владыки. В лекции «Красота и реальность» (1982) он говорит: «Вы можете показать объект человеку и спросить его, что он об этом думает, и он ответит: “Как некрасиво!” или “Как мило!” — и в этот момент появляются красота или уродство, которые соотносятся друг с другом. И слова Достоевского “мир спасет красота” означают, что всякий может отозваться на истину как на красоту или отказаться от уродства, потому что оно — ложь против реальности, искажение реальности, клевета

⁵¹ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским. С. 95.

⁵² Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004. С. 205–206.

⁵³ Антоний Сурожский, митр. Жизнь и вечность: 15 бесед о смерти и страдании. М., 2022. С. 16–17.

⁵⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. С. 52.

⁵⁵ См.: Там же. С. 317.

на реальность или соблазн. И Достоевский говорит, что есть два типа красоты. Есть подлинная красота, которая возвышает человека, и есть ложная красота, которая возникает из человеческой жадности, человеческой подлости, сладострастия, красота, оторванная от глубоких и подлинных чувств»⁵⁶. Впрочем, как далее разъясняет в другой своей лекции «Значение уродства» владыка Антоний, речь на самом деле идет не о двух типах красоты, но о двух взглядах на нее: «Я приводил вчера цитату из Достоевского, где он говорит о нескольких моментах. Прежде всего, он говорит: “Красота спасет мир”. Красота, которую он понимал в рамках классической традиции как убедительную силу истины, как откровение реальности, такой, какая она есть, — в истинном свете, свободной от уродства, часто наложенного на нее нашим человеческим непониманием или искажением, которые мы приносим в этот мир. Но он также настаивает на том, что красота — это тайна, она не однозначна, в ней есть многогранность, которая не позволяет легко отличить красивое от уродливого, как мы отличаем один цвет от другого, как отличается тьма от света и т. д. Для него есть два вида красоты. И, как часто бывает у Достоевского, то, о чем он говорит, требует пространных объяснений, потому что он не всегда сам ясно понимает, о чем хочет сказать, когда говорит, что есть два вида красоты. Дальше в своих записях⁵⁷ он объясняет, что это не два разных вида красоты, но красота, на которую можно смотреть двояко⁵⁸. Можно смотреть с чистым сердцем, с ясным разумом, а можно смотреть и видеть искаженно, с неверным пониманием, перенося на то, что мы видим — “видим” в широком понимании этого слова, — собственные внутренние представления или состояние»⁵⁹.

⁵⁶ Антоний Сурожский, митр. Красота и уродство: Беседы об искусстве и реальности. С. 116.

⁵⁷ Неясно, о каких именно записях Достоевского здесь идет речь.

⁵⁸ Об этом же свойстве красоты у Достоевского см.: Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. С. 466–473.

⁵⁹ Антоний Сурожский, митр. Красота и уродство: Беседы об искусстве и реальности. С. 130–131.

О романе «Бесы» (1872)⁶⁰ Антоний Сурожский высказывался редко. По свидетельству И. А. Кирилловой, «прочитав его в юности, он его никогда не перечитывал, потому что “в нем слишком реально ощущается зло, сила зла”»⁶¹. В тех случаях, когда об этом романе все же заходил разговор, он указывал на «редкое сочетание исторического и психологического реализма с гротеском в характерах и в действии, создающее таким образом почти метафизическое ощущение жути»⁶². Если говорить об отношении владыки к проблеме зла и дьявола, то в своих проповедях и беседах он старался не акцентировать внимание на зле как на самостоятельно действующей в мире могущественной силе, предпочитая обращаться к свободе выбора человека, живущему в нем Христу, Божией любви и милосердию. Однако его личный опыт взаимодействия со злом, очевидно, был гораздо глубже, чем он об этом распространялся. Протоиерей Сергей Овсянников (1952–2018), который хорошо знал владыку лично, отмечает, что тот, избегая публичного теоретизирования на тему действия дьявола, тем не менее «довольно часто» вспоминал его во время принятия исповеди⁶³.

Тем не менее прямые отсылки к «Бесам» в выступлениях владыки все же встречаются. Например, в лекции «Значение уродства» (1982) он вспомнил об этом романе в следующем контексте: «Я приведу слова из другого произведения Достоевского. Устами одного из героев романа “Бесы” он говорит: “О, друзья

⁶⁰ В тяжелый для владыки Антония период середины 1960-х гг., когда его при помощи травли, интриг и клеветнических доносов пытались сместить с должности патриаршего экзарха Западной Европы (он занимал ее сперва как исполняющий обязанности, а затем как собственно экзарх с 1963 по 1974 г.), французский православный богослов Оливье Клеман (1921–2009) выступил в его безусловную поддержку, сравнив в одном из писем к владыке нападающих на него с «бесами» Достоевского (см.: Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 254).

⁶¹ Кириллова И. А. Разговоры о Достоевском с митрополитом Антонием Сурожским. С. 96.

⁶² Там же.

⁶³ См.: Духовное наследие митрополита Антония Сурожского: материалы Первой Международной конференции 28–30 сентября 2007 г. С. 244.

мои! Вы представить не можете, какая грусть и злость охватывает всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу, и вы вдруг встречаете ее уже на толкучем, неузнаваемую, в грязи, поставленную нелепо, углом, без пропорции, без гармонии, игрушкой у глупых ребят!” Об этом он писал не один раз: если в обществе или у отдельного человека нет ничего, к чему можно стремиться, если люди “удовлетворены по горло”, они впадут, вместе или поодиночке, в какую-то тоску, даже сами будут растревлять в себе эту тоску, искать другого идеала в своей жизни и от усиленного пресыщения не только не будут ценить того, чем наслаждались, но даже сознательно будут уклоняться от прямого пути, раздражая в себе посторонние вкусы, нездоровые, острые, негармонические, иногда чудовищные»⁶⁴.

Наиболее же высоко Антоний Сурожский ценил финальный роман Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880). В докладе на конференции в Бродстерсе в 1963 г. он вспомнил о персонаже этого романа, Иване Карамазове, в связи с проблемой человеческой свободы: «Мы не свободны сделать то, что хотел сделать Иван Карамазов: возратить Богу билет на жизнь и сказать: “Я ухожу”. Мы не свободны сказать Богу: “Та жизнь, которую Ты замыслил, пожелал и сотворил по воле Твоей, мне не по душе, забери ее Себе, а я пойду своим путем”, потому что своего пути не существует. “Я — Путь”, и другого пути нет. Есть тьма внешняя, но во тьме пути нет»⁶⁵.

Одна из любимых цитат митрополита Антония была заимствована из мистического рассуждения старца Зосимы об аде и адском огне: «Отцы и учителя, мыслю: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”»⁶⁶. Владыка по памяти приводил ее таким образом: «Достоевский, рассуждая

в “Братьях Карамазовых” об аде, говорит, что ад можно выразить двумя словами: “Слишком поздно!” Только память о смерти может позволить нам жить так, чтобы никогда не сталкиваться с этим страшным словом, ужасающей очевидностью: *слишком поздно*»⁶⁷. Он еще не раз обращался к этому рассуждению в разных вариациях, говоря с самыми разными аудиториями⁶⁸.

Другая необычайно значимая для владыки цитата из «Братьев Карамазовых» связана с воспоминаниями старца Зосимы о своей юности; в оригинале она выглядит так: «Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмел бы ее тотчас же сам первый. Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились. Не скажу, чтобы были скверные; все эти молодые люди были хорошие, да вели-то себя скверно, а пуще всех я»⁶⁹. Митрополит Антоний и здесь передает лишь ее общий смысл так, как он когда-то запечатлелся в его памяти: «Вы, наверное, помните, как в “Братьях Карамазовых” старец Зосима рассказывает о своей юности. Он говорит: люди-то были хорошие, да поступали плохо. Он умел различить между поступком и человеком, умел, ненавидя зло, жалеть преступника и не обманываться, будто, ненавидя человека, мы ненавидим действующее в нем зло»⁷⁰. В радиоинтервью на Би-би-си британскому журналисту Роберту Ки 5 сентября 1970 г. владыка сказал следующее: «Например, в “Братьях Карамазовых” старец Зосима кому-то, кто критикует людей и говорит, что они дурны, отвечает, что люди хорошие, но поступали плохо. Это звучит нелепо, но я никогда не встречал человека, в котором не было бы чего-то прекрасного, глубокого, что он глубоко зарыл или тщательно охраняет, потому что это что-то очень хрупкое. И я даже

67 Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 51.

68 См.: Там же. С. 84; Он же. Труды. Кн. 2. С. 425; и др.

69 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. С. 268.

70 Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 584–585. Ср.: Он же. Труды. Кн. 2. С. 168, 475; Он же. Труды. Книга третья. С. 111.

64 Антоний Сурожский, митр. Красота и уродство: Беседы об искусстве и реальности. С. 148–149.

65 Он же. Хаос. Закон. Свобода. Беседы о смыслах. М., 2020. С. 124.

66 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. С. 292.

думаю, что многие люди жестоки, и безжалостны, и грубы потому, что боятся боли, которую пришлось бы терпеть, если бы они решились на сострадание, ответственность, были бы готовы на отношения любви, дружбы, верности»⁷¹.

В проповеди на вечерне в Прощеное воскресенье 13 марта 1994 г. владыка напомнил о еще одном высказывании из «Жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы», составленного Алексеем Карамазовым. А именно о словах старшего брата Зосимы — Маркела, который обращался к своей матери перед смертью: «Мама, радость моя, говорит, нельзя, чтобы не было господ и слуг, но пусть же и я буду слугой моих слуг, таким же, каким и они мне. Да еще скажу тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех»⁷². Владыка пересказал их, передав самую суть откровения Маркела: «Вот начнем и мы теперь свое шествие, помня, что каждый из нас грешен, что мы все, по слову Достоевского, друг перед другом виноваты, и будем друг друга поддерживать»⁷³.

Удивительно, что при таких частых обращениях к поучениям старца Зосимы сам образ этого героя митрополиту Антонию казался фальшивым и неестественным⁷⁴. В одной из бесед в Лондоне, состоявшихся в мае – июне 1989 г., владыке задали

вопрос, как он относится к тому, как Достоевский изображает человека? Ответ его был следующим: «Я не специалист по Достоевскому, но мое впечатление от Достоевского то, что во всем своем творчестве он описывает борьбу людей, но никак не может описать победу, потому что именно этого он сам так и не достиг в себе. Всю свою жизнь он боролся, и боролся с крайностями, и когда он пытается изобразить человека, который одержал победу, результат очень слабый, безвкусный, даже не сахар, а сахарин. Возьмите старца Зосиму: это очень неудачный образ Тихона Задонского⁷⁵, который был мощной фигурой. А здесь все слащаво⁷⁶. Много в нем трогательного и хорошего, но оно нерезко, потому что в себе Достоевский этого не видит.

С другой стороны, Достоевский всегда старался описывать людей, как они есть, не святых, достигших святости, и не грешников (за исключением, может быть, Ставрогина), доведших себя до гибели. Он всегда показывает людей, которые борются в многосложности своей собственной души и в окружающих влияниях. И то знание, которое мы приобретаем, и то, что нам открывается, я думаю, очень важно: все учит нас не спешить выносить суждение и называть кого-то светлым, кого-то темным,

⁷¹ Антоний Сурожский, митр. Хаос. Закон. Свобода. Беседы о смыслах. С. 321–322.

⁷² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. С. 262.

⁷³ Антоний Сурожский, митр. Евангельское слово рождает ответ. Проповеди последних лет (1992–2003). М., 2022. С. 137.

⁷⁴ Достоевский в письме к ведущему сотруднику «Русского вестника» Н. А. Любимову от 7 августа 1879 г. отмечал по поводу шестой книги романа «Русский иннок»: «Сам считаю, что и 1/10-й доли не удалось того выразить, что хотел. Смотрю, однако же, на эту книгу шестую как на кульминационную точку романа. — Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает, но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же не мог ни другим языком, ни в другом духе выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. С. 102).

⁷⁵ По словам И. А. Кирилловой, митрополит Антоний указывал и на расхождения между образом Зосимы и старца Амвросия Оптинского, «который до конца жизни был мучим ужасом перед Страшным Судом» (Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. С. 68). О сходстве митрополита Антония с Амвросием Оптинским см.: Ксения (Соломина-Минихен), мон. Указ. соч. С. 235–238. О святом Тихоне Задонском как прототипе старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» см.: Карпачева Т. С. Отражение образа свт. Тихона Задонского и его сочинений в творчестве и мировоззрении Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 216–231.

⁷⁶ Похожий «упрек» в одном из интервью владыки Антония 1973 г. адресован и великому английскому писателю Чарльзу Диккенсу (1812–1870), которого Достоевский ценил необычайно высоко: «До этого мы еще в Вене с бабушкой прочитали, вероятно, всего Диккенса; позже я разочаровался в Диккенсе, он такой сентиментальный, я тогда не замечал этого, но это такой шарж, такая сентиментальность, что очень многое просто пропадает» (Воспоминания о митрополите Антонии Сурожском. К 20-летию со дня кончины / авт.-сост. Е. С. Тугаринов. М., 2023. С. 32).

а знать, что свет и во тьме светит, и тьма не может его принять, но не может и погасить (Ин. 1:5). И что нельзя сосредоточиться на свете и пропустить без внимания тьму, потому что это будет разрушительно для человека, которого мы безусловно почитаем, не видя в нем хрупкость, слабость или зло»⁷⁷.

Еще одна духовная дочь митрополита Антония, монахиня Ксения (Соломина-Минихен), так же, как и И. А. Кириллова, являющаяся специалистом по творчеству Достоевского (она принимала участие в подготовке первого академического Полного собрания сочинений писателя в 30 томах, изданного Пушкинским Домом АН СССР в 1972–1990 гг., а в 1989 г. в Брауновском университете в городе Провиденс, столице штата Род-Айленд, США, получила ученую степень доктора философии за диссертацию «О влиянии Евангелия на замысел и литературные источники романа Ф. М. Достоевского “Идиот”»), знакомила владыку со своими исследованиями творчества писателя и даже посвятила свою главную работу о Достоевском своему духовному отцу⁷⁸. По ее словам, интерес митрополита Антония к Достоевскому неуклонно возрастал, и с годами он ценил его все больше, полагая, что произведения писателя подводят читателей к тому, что проповедовал его любимый богослов святитель Феофан Затворник⁷⁹.

Источники некоторых из многочисленных обращений Антония Сурожского к Достоевскому установить не так-то просто. Например, в 1989 г. он упоминает писателя в таком контексте: «Знаете, Достоевский пишет: “Обо всем можно говорить с интересом, только о себе — с аппетитом...” Так я скажу только одно: я стал верующим, потому что оказался лицом к лицу с живым воскресшим Христом»⁸⁰. Вероятно, здесь имеется в виду

⁷⁷ Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 2. С. 823.

⁷⁸ Ксения (Соломина-Минихен), мон. Указ. соч. С. 173–174, 216.

⁷⁹ См.: Там же. С. 174.

⁸⁰ Антоний Сурожский, митр. О вере в человека. Выступление в Доме художника. Москва, 15 октября 1989 г. URL: <https://antsur.ru/ru/o-vere-v-cheloveka-15-oktyabrya-1989-g/> (дата обращения: 31.08.2024).

герой «Записок из подполья», заявляющий: «А впрочем: о чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием? Ответ: о себе. Ну так и я буду говорить о себе»⁸¹. Впрочем, в другом своем выступлении владыка приписал эти же слова И. С. Тургеневу: «Как говорил Тургенев, любой может говорить с интересом обо всем, но лишь о себе — с аппетитом»⁸².

Или можно лишь приблизительно идентифицировать конкретный источник его рассуждения о Достоевском и красоте в выступлении на конференции Общества византистики и патристики в декабре 1994 г.: «Можно вспомнить и другую цитату, на этот раз из Достоевского, о том, что красота — это совершенная приобщенность к совершенной Красоте, которая есть Бог. И в другом месте он пишет, что почуять красоту — значит войти в мистическое соединение с объектом, в котором мы ее увидели. Это очень важное утверждение, потому что оно сразу связывает то, что доступно нам прямо и непосредственно, с чем-то, что может стать более чем доступным — может стать самой нашей жизнью, нашей сущью»⁸³. Возможно, в данном случае владыка отсылает к статье Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве» (1861): «<...> если б даже смотреть на искусство с одной вашей точки зрения, то есть со стороны одной полезности, то ведь еще неизвестен в подробности нормальный исторический ход полезности искусства в человечестве. Трудно измерить всю массу пользы, принесенную и до сих пор приносимую всему человечеству, например, “Илиадой” или

⁸¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. С. 101.

⁸² Антоний Сурожский, митр. Хаос. Закон. Свобода. Беседы о смыслах. С. 180.

⁸³ Он же. Труды. Кн. 1. С. 695. В лекциях митрополита Антония на тему «Смысл и красота», прочитанных в 1982 г. в Университете графства Кент на чтениях, посвященных памяти поэта Томаса Стернза Элиота, также содержится характерное высказывание: «Если позволите, я процитирую Достоевского. Он говорил, что совершенная красота явлена нам во Христе, Боге воплощенном. С точки зрения христианина, Христос являет совершенство человеческой красоты и откровение наполняющей Его Божественной красоты» (Он же. Красота и уродство: Беседы об искусстве и реальности. С. 90).

Аполлоном Бельведерским, вещами, по-видимому, совершенно в наше время ненужными. Вот, например, такой-то человек когда-то, еще в отрочестве своем, в те дни, когда свежи и “новы все впечатленья бытия”, взглянул раз на Аполлона Бельведерского, и бог неотразимо напечатлелся в душе его своим величавым и бесконечно прекрасным образом. Кажется, факт пустой: полюбовался две минуты красивой статуей и пошел прочь. Но ведь это любованье не похоже на любованье, например, изящным дамским туалетом. “Мрамор сей ведь бог”, и вы, сколько ни плюйте на него, никогда у него не отнимете его божественности. Пробовали отнять, да ничего не вышло. И потому впечатление юноши, может быть, было горячее, потрясающее нервы, охлаждающее эпидерму; может быть, даже, — кто это знает! — может быть даже, при таких ощущениях высшей красоты, при этом сотрясении нерв, в человеке происходит какая-нибудь внутренняя перемена, какое-нибудь передвижение частиц, какой-нибудь гальванический ток, делающий в одно мгновение прежнее уже не прежним, кусок обыкновенного железа магнитом. Впечатлений на свете, конечно, множество, но ведь недаром же это впечатление особенное, впечатление бога. Недаром же такие впечатления остаются на всю жизнь. И кто знает? Когда этот юноша, лет двадцать-тридцать спустя, отозвался во время какого-нибудь великого общественного события, в котором он был великим передовым деятелем, таким-то, а не таким-то образом, то, может быть, в массе причин, заставивших его поступить так, а не этак, заключалось, бессознательно для него, и впечатление Аполлона Бельведерского, виденного им двадцать лет назад»⁸⁴.

Как отмечает наиболее тонкий и основательный исследователь жизни митрополита А.Пайман, «сущность красоты для владыки Антония была сакральной: “Для того чтобы увидеть красоту, мы должны приобщиться ей, здесь — мистическое измерение <...> Таким образом, красота становится не объектом

эстетического изучения, но опытом”»⁸⁵. Для того чтобы уловить в искусстве прекрасное как «напоминание о недостижимой одним разумом глубине», нужно одновременно быть увлеченным красотой и отрешенным от нее, то есть «мы должны бескорыстно отдаться воздействию искусства, не навязывая ему чуждых назначению художника идеологических или каких бы то ни было других задач»⁸⁶.

Будучи гостем одной радиостанции в начале 1990-х гг., владыка Антоний еще раз указал на Достоевского как на необычайно чуткого человека, способного видеть красоту Божьего мира там, где все остальные заняты исключительно собой и своими неотложными делами: «У Достоевского есть замечательное место, где он вспоминает свой приезд в Неаполь. Он стоит на палубе корабля и видит неопишемую красоту: голубое бездонное небо и природу, горы, город, море. Он весь охвачен этой красотой, а вокруг приехавшие одновременно с ним и не смотря на природу, на небо. Это все успеется, сейчас им надо заняться своим багажом, высадиться как можно скорее, раньше других, чтобы успеть найти извозчиков. Достоевский смотрит и говорит: да, а небо-то глубокое, бездонное, но небо всегда будет, “успеется” на него посмотреть, а теперь надо высадиться.

Не так ли мы живем очень часто — не только по отношению к Богу, но и по отношению к людям? Слишком часто, почуввав нечто глубокое, на чем мы могли бы остановиться, мы это отстраняем, потому что есть что-то другое — мелкое, ничтожное, но что “надо” сделать сейчас. Оно от нас может уйти, багаж мой может остаться на корабле или я его потеряю по дороге — на небо я успею посмотреть... Так бывает и с Богом. И к Богу я “успею” дойти»⁸⁷.

Отличительной особенностью мировосприятия владыки Антония было то, что он нередко прочитывал в книгах нечто, что в них буквально не содержалось, но что в какой-то миг

⁸⁵ Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 508.

⁸⁶ Там же. С. 509.

⁸⁷ Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 1. С. 598–599.

⁸⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. С. 77–78.

сообщалось через них конкретно ему одному в качестве ответа на мучившие его внутренние вопросы. Приведу лишь один, наиболее значимый подобный случай из его жизни, как он сам о нем вспоминал: «Я стал священником через несколько лет после того, как прочел отрывок из 58-й главы Книги пророка Исаии. Ожидая пациента, я открыл Библию и начал читать. И мои глаза упали на место, которое я прочел так: отдай душу свою на растерзание, на съедение голодному. Я три раза это место читал, три раза его так же прочел и подумал: вот мне заповедь Божия. Как это выразится, я не знаю, но это то, чего хочет от меня Бог. Несколько лет спустя я перечитывал это же место в той же книге и обнаружил, что этих слов там нет (ср.: Ис. 58:10)»⁸⁸.

Знавшие владыку люди не раз отмечали, что и сами воспринимали от него слова, которых он как бы не говорил. Характерно свидетельство поэтессы и филолога Ольги Седаковой о разговоре с митрополитом Антонием в лондонском храме в 1989 г.: «Но тут в его взгляде, как будто ушедшем — в печальную даль или в трудную глубину — вдруг загорелся тот веселый огонь, который знают все, кому пришлось вблизи видеть его переменившееся лицо: веселый, непобедимый, видящий все как есть.

— Бог подскажет.

Скорее всего, он и не сказал этих слов. Они просто загорелись в его глазах. Он посмотрел на меня не то чтобы не своими глазами — своими: но еще и глазами великой, бессмертной победы, глазами Воскресения, глазами близко стоящего Царства»⁸⁹.

Частые неточности в приводимых Сурожским митрополитом цитатах могут быть объяснены особым типом его богословствования — не книжным и начетническим, но максимально живым и личным. Как справедливо отмечает филолог, близкий друг и биограф владыки Антония А. Пайман, он «был менее всего теоретиком, литературоведом. Он был читателем,

который любил и умел оживить духовные поучения примерами из литературы, как и из собственного жизненного опыта»⁹⁰. К этому можно добавить, что принципиальной разницы между усвоенными им «примерами из литературы» и «собственным жизненным опытом» для него просто не существовало. «Литературное произведение он на самом деле переживал как живую жизнь»⁹¹.

9 июня 2016 г. Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского» и Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына провели совместный семинар «Владыка Антоний о красоте и уродстве: точки соприкосновения с Ф. Достоевским». Выступавшая на нем с докладом Т. А. Касаткина обратила внимание на то, что в точности приводимых цитат владыка мог ошибаться, а в их интерпретации достаточно далеко уходить от того смысла, который есть собственно у Достоевского (эти неточности, впрочем, могли быть отчасти вызваны невольными искажениями со стороны тех, кто переводил его устные выступления⁹² в письменный текст), но порой владыка Антоний ссылаясь на как бы *не существующие* места в романах писателя, которые в его богословствовании удивительным образом выражают самую суть того, о чем писал Достоевский⁹³.

«Митрополит Антоний цитирует Достоевского, когда ему нужен “спарринг-партнер”, то есть когда ему нужно поспорить,

⁹⁰ Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 504–505.

⁹¹ Там же. С. 519–520.

⁹² Устная речь владыки Антония отличалась богатством оттенков. Протоиерей Александр Борисов вспоминает о том впечатлении, которое она произвела на него в начале 1970-х гг.: «Речь владыки производила особенное впечатление и своим характерным акцентом, и тем, что смысловые слова выделялись специальными интонациями. Речь изобилвала усилениями голоса и многозначными паузами. Некоторые слова произносились с легким грассированием. Я наслаждался не только содержанием, но и особенной музыкальностью этой речи» (Борисов А., *прот.* Целомудрие есть целостная мудрость // Континент. 2003. № 117. С. 11).

⁹³ См.: Касаткина Т. А. Выступление на семинаре по наследию митрополита Антония Сурожского. 9 июня 2016 г. URL: <https://rutube.ru/video/371141413a1831e61ab73e1b147c1e11/> (дата обращения: 31.08.2024).

⁸⁸ Антоний Сурожский, *митр.* Труды. Кн. 1. С. 820.

⁸⁹ Седакова О. А. О владыке Антонии, митрополите Сурожском // Собрание сочинений: в 4 т. М., 2010. Т. 4: *Moralia*. С. 847.

но поспорить как бы почти с самим собой, и он цитирует в этой ситуации некий текст Достоевского, дальше тут же оговаривается: “Но Достоевский, конечно, не имел этого в виду и не хотел бы...” Его система цитации Достоевского строится очень интересно»⁹⁴, — отмечает Касаткина. По словам исследовательницы, «красота и для митрополита Антония, и для Достоевского на самом деле — это одно. Красота — это то, что находится в самой глубине как мира, так и любого другого существа в этом мире. Красота — это тот изначальный замысел, который создавал все творение и каждую отдельную тварь в течение тех самых дней, когда Господь постоянно говорил: это хорошо <...> И именно поэтому красота — это то, что спасает мир»⁹⁵.

Еще одним уроком Достоевского для владыки был прочитанный им призыв к честным и думающим людям не только не бояться открыто говорить о том, что тебя в настоящее время больше всего интересует, но обязательно это проговаривать, чтобы лучше понять. Так, к примеру, митрополит Антоний начал свое выступление на тему «Человеческие ценности в медицине» перед Бристольским медико-хирургическим обществом 8 мая 1974 г. с обращения: «Возможно, у меня недостаточно прав и оснований выступить здесь с такой темой, но Достоевский в одном из своих сочинений говорит, что, если вас действительно занимает какой-то вопрос, если вы подлинно заинтересованы и убеждены в чем-то, вы и вправе и обязаны говорить об этом. И я хотел бы поговорить о некоторых основоположных, непреложных человеческих ценностях в их связи с медициной и затронуть вопрос страдания вообще и вопрос смерти, ее места по отношению к нам, медикам, христианам, священникам, потому что я — так уж случилось — одновременно священник и бывший медик»⁹⁶.

⁹⁴ Касаткина Т.А. Выступление на семинаре по наследию митрополита Антония Сурожского. 9 июня 2016 г.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Антоний Сурожский, митр. Человеческие ценности в медицине: Доклад Бристольскому медико-хирургическому обществу 8 мая 1974 г. URL: <https://antsur.ru/ru/chelovecheskie-tsennosti-v-meditsine-8-maya-1974-g/> (дата обращения: 31.08.2024). Обращаю внимание на то, что в публика-

В данном случае владыка отсылал к январскому выпуску «Дневника писателя» за 1877 г., в котором Достоевский заявляет следующее: «Пусть не смеются над мной заранее, что я считаю ошибки ума слишком легкими и быстро изгладимыми. И уж смешнее всего было бы, даже кому бы то ни было, а не то что мне, принять на себя в этом случае роль изглаживателя, твердо и спокойно уверенного, что словами проймешь и перевернешь убеждения данной минуты в обществе. Я это все сознаю. Тем не менее стыдиться своих убеждений нельзя, а теперь и не надо, и кто имеет сказать слово, тот пусть говорит, не боясь, что его не послушают, не боясь даже и того, что над ним насмеются и что он не произведет никакого впечатления на ум своих современников»⁹⁷.

В некоторых беседах митрополит Антоний обращался к мыслям Достоевского через их переложение более поздними писателями. Например, в беседе 20 декабря 2001 г. он заметил: «Те из вас, кто читал Солженицына, возможно, помнят, как в одной из своих книг он рассказывает о персонаже, который любил человечество в целом и поэтому ненавидел каждого человека в отдельности за то, что тот уродливо искажал воображаемый идеал»⁹⁸. Эта идея, очевидно, восходит к роману Достоевского «Братья Карамазовы», где старец Зосима рассказывает о некоем докторе, любившем все человечество и не способного выносить близкого присутствия конкретного человека: «Это точь-в-точь

этой речи владыки в первом томе его «Трудов» данная преамбула по неясной причине отсутствует. См.: *Он же*. Труды. Кн. 1. С. 17–26. Отмечу, что это далеко не единственный случай, когда митрополит Антоний начал (!) свои выступления с обращения к Достоевскому. Выступая в Пушкинском клубе 22 марта 1968 г., он также начал свою речь со слов: «Как сказал когда-то Достоевский, говорить следует или о том, что знаешь, или о том, что любишь. И наверное, как и все люди, у которых нет дара давать свободу другим, я люблю свободу. И лишь по этой причине мне представляется, что я могу о ней говорить» (*Он же*. Хаос. Закон. Свобода. Беседы о смыслах. С. 56).

⁹⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 5–6.

⁹⁸ Антоний Сурожский, митр. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002). С. 62.

как рассказывал мне, давно уже, впрочем, один доктор, — заметил старец. — Человек был уже пожилой и бесспорно умный. Он говорил также откровенно, как вы, хотя и шутя, но скорбно шутя; я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и, может быть, действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. В одни сутки я могу даже лучшего человека возненавидеть: одного за то, что он долго ест за обедом, другого за то, что у него насморк и он беспрерывно сморкается. Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще»⁹⁹.

Многие, кто писал и говорил о личности митрополита Антония Сурожского, не сговариваясь, то и дело сравнивали его с теми или иными героями Достоевского — бунтарями, чудаками, юродивыми, визионерами, святыми. Лучший биограф владыки Аврил Пайман находит общие черты богоборчества у четырнадцатилетнего Андрея Блума и двадцатитрехлетнего Ивана Карамазова¹⁰⁰. Александр Кырлежев, излагая взгляды Антония Сурожского на взаимоотношения человека, Бога и мира, вспоминает о «Сне смешного человека»¹⁰¹. Бывший секретарь Сурожской епархии Джиллиан Кроу находит черты сходства в общении с посетителями между Антонием Сурожским и старцем Зосимой из «Братьев Карамазовых»¹⁰². Ирина

Кириллова, когда пишет об образе старца Зосимы у Достоевского, не может отказать себе в том, чтобы сопоставить его слова с высказываниями митрополита¹⁰³. Протоиерей Сергей Овсянников в разговоре о владыке опять же обращается к тексту «Братьев Карамазовых»: «Что митрополита Антония не все любили — это понятно, потому что “широк, слишком широк, я бы сузил...”». Владыку, конечно, хотели бы сузить. Широкий в нескольких смыслах даже, широк безусловно, по своему кругозору, по своему горизонту, по своей интеллигентности. И широк по тому, как он принимал. Широта — первое, что не нравится людям, по их самоопределению, узким»¹⁰⁴. Сам владыка Антоний в интервью В. Васильеву в 1999 г. говорил, что чувствует себя «дореволюционным русским, ископаемым или даже русским, которых никогда не бывало, кроме как в литературе»¹⁰⁵.

Порой само имя Достоевского возникало в речи владыки как маркер человеческой открытости другому человеку и Богу. Например, в своих последних беседах в Лондоне в сентябре — ноябре 2002 г. владыка Антоний вспоминает о преподобномученице матери Марии (Скобцовой) (1891–1945)¹⁰⁶, которая «была русской писательницей, попала в эмиграцию и решила

⁹⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. С. 53.

¹⁰⁰ См.: Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 46.

¹⁰¹ См.: Кырлежев А. И. Мистик в миру // Континент. 2003. № 117. С. 14.

¹⁰² См.: Кроу Д. «Этот бесценный человек»: воспоминания о митрополите Антонии. С. 369.

¹⁰³ См.: Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. С. 50.

¹⁰⁴ Человек в богословии митрополита Антония Сурожского: Доклады Второй Международной конференции (11–13 сентября 2009 г., Москва). М., 2013. С. 323.

¹⁰⁵ Антоний Сурожский, митр. Интервью В. Васильеву. Лондон, 1999 г. // Митрополит Антоний Сурожский: Биография в воспоминаниях современников / сост. Е. С. Тугаринов. М., 2015. С. 93.

¹⁰⁶ Мать Мария (Скобцова) многократно обращалась в своих сочинениях к наследию Достоевского. В книге «Достоевский и современность» (1929) она, в частности, пишет о нем следующее: «Для него всегда и во всем все определяет облик Христов. Вся истина целиком в Нем, и нет в Нем зла, и нет Ему равного в мире» (*Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е. Ю.)*. Россия и эмиграция: Жития святых; Религиозно-философские очерки; Ранняя публицистика; Письма и записные книжки / сост. Т. В. Викторовой, Н. В. Ликвинцевой, Н. А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н. В. Ликвинцевой; примеч. Н. В. Ликвинцевой при участии Л. В. Крошкиной; оформл. Е. Л. Марголис. М.; Париж, 2019. С. 215.

делиться своим знанием, своим опытом с теми людьми, которые находятся на работах, чтобы оживить их сердце, открыть снова их ум, чтобы что-то блеснуло в их жизни. И она поехала в один из городов, где на заводе было много русских, бывшие военные там целой группой поселились. Она объявила, что прочтет лекцию о Достоевском, но как только она заикнулась об этом, начался крик: “Брось, нам не до Достоевского, нам нужен кто-нибудь, кто бы постирал наше белье, кто бы нам приготовил немножко пищи, кто помог бы нам вычистить помещения, в которых мы живем”. Она остановилась и сказала: “Конечно, это самое главное! Скажите, куда мне идти”. И она в течение двух недель, если я помню хорошо, чистила, мыла, стирала, и когда эти недели прошли и она думала уже уезжать, к ней эти же люди обратились: “О нет, не уезжайте, прочтите нам лекцию о Достоевском”»¹⁰⁷.

Митрополит Антоний, как и мать Мария (Скобцова) для сотен тысяч людей, многие из которых даже не были с ними знакомы лично, явил то самое *сияние вечной жизни*, не увидев которое хотя бы однажды на лице другого человека, никто, по его словам, не может по-настоящему уверовать в Бога. Сам он признавался, что его вера — не слепое доверие чужим свидетельствам, но личное опытное знание. Один из самых преданных почитателей владыки филолог С. С. Аверинцев (1937–2004) признавал, что для целого ряда поколений русских людей митрополит Антоний был «символом аутентичного, чистого Христового Благовестия» и что «его духовного присутствия в сумеречной атмосфере позднесоветских десятилетий — я имею в виду, конечно, приезды в Россию, проповеди, беседы, но и чтение его проповедей в самиздатовских списках, и просто знание, что он есть на свете, — не смогло бы заменить ничто другое»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Антоний Сурожский, митр. Труды. Кн. 2. С. 31.

¹⁰⁸ Цит. по: Пайман А. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. С. 435. Как пишет о значении проповедей владыки Антония в позднем СССР историк Церкви А. И. Кырлежев, «не было стадионов и ТВ, но ни одно слово не пропало. Можно с уверенностью сказать, что “на счету” митрополита

Схожий эффект на многих интеллектуалов в атеистической советской подцензурной среде производили и произведения Ф. М. Достоевского.

В заключение процитирую еще раз своего учителя Т. А. Касаткину, отмечавшую, что «Достоевский выступает <...> как гениальный богослов, напоминающий Церкви о ее истинном порядке и настоящем учении. В XX веке о том же самом будет настойчиво напоминать митрополит Сурожский Антоний — и в своих работах, и в своем опыте построения церковной жизни: “Я с самого начала призывал людей к тому, чтобы Церковь была единой. Когда я услышал недавно высказывание о том, что в Церкви епископ имеет власть, что он властвует над священниками, а священники должны управлять мирянами, меня охватил ужас. Нет, мы все едины, мы все — *дети одного и того же Бога, братья и сестры Христовы, по Его собственному слову и свидетельству* (в выделенных словах митрополита Антония, в сущности, дано полное и адекватное объяснение названия романа “Братья Карамазовы”). — И с самого начала мы стали строить приход на том основании, что каждый священник является слугой, а не управляющим, не начальником, а, если можно так сказать, рабом, который свою жизнь отдал для того, чтобы служить людям...”»¹⁰⁹

Антония тысячи уже тогда обращенных в христианство людей» (Кырлежев А. И. Митрополит Антоний Сурожский — «заезжий православный миссионер» в России. С. 231).

¹⁰⁹ Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. С. 393.

Сведения об авторах опубликованных докладов

Протоиерей Владимир Архипов

клирик храма Сретения Господня в селе Новая Деревня Пушкинского района, окормляет российские общины движения «Вера и свет», Москва

Алексей Михайлович Гагинский

кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора современной западной философии, Институт философии РАН, Москва

Фредерика де Грааф

окончила Университет Гронингена в Голландии, где изучала славянские языки, училась и преподавала в международном колледже восточной медицины под Лондоном, более 20 лет — прихожанка прихода митрополита Антония. Имела собственную клинику в Лондоне, более 20 лет назад переехала в Москву, где работает в качестве рефлексотерапевта с пациентами Первого Московского хосписа и их родственниками, Москва

Наталья Владимировна Ликвинцева

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва

Алексей Васильевич Лызлов

кандидат психологических наук, доцент кафедры современных проблем философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета, практикующий психолог, Москва

Константин Михайлович Мацан

журналист, кандидат философских наук, автор и ведущий программ радио «Вера», Москва

Марина Валентиновна Михайлова

доктор философских наук, ведущая авторских программ на радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров», Санкт-Петербург

Николай Николаевич Подосокорский

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва

Александр Дмитриевич Пономарев

бакалавр теологии, выпускник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, студент магистратуры Московской духовной академии, Москва

Элизабет Феокритова

богослов, научный сотрудник и доцент Кембриджского православного института христианских исследований, Кембридж, Великобритания

Сергей Анатольевич Чурсанов

кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент кафедры систематического богословия и патрологии Богослов-

ского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва

Федор Михайлович Шаньков

психолог-консультант и исследователь, магистр психологии, аспирант Свободного университета Берлина, Германия, член-соучредитель Международного сообщества понимающей психотерапии (ISCEPT), член Сети европейских ассоциаций личностно-центрированной и экспериментальной психотерапии и консультирования (PCE Europe), член Международного сообщества культурно-исторических деятельностных исследований (ISCAR), Германия

Анна Ильинична Шмаина-Великанова

библеист, историк раннего иудаизма и христианства. Доктор культурологии, профессор Центра изучения религий РГГУ.

Юлия Александровна Штонда

кандидат филологических наук, старший преподаватель Свято-Филаретовского института, Москва

Протоиерей Андрей Юревич

архитектор, настоятель храма Прмц. Елисаветы в Покровском-Стрешневе в Москве, основатель и руководитель Музея современного христианского искусства, Москва

Ирина Константиновна Языкова

искусствовед и общественный деятель, поэт. Кандидат культурологии. Заведующая кафедрой христианской культуры Библейско-богословского института св. апостола Андрея (ББИ), преподаватель Коломенской духовной семинарии. Член Синодальной библейско-богословской комиссии Русской Православной Церкви, Москва

Также на конференции прозвучали доклады:

Иерей Алексей Ноговицын (Санкт-Петербург)

Митр. Антоний Сурожский как представитель неопатристического синтеза в современной экклезиологии

Михаил Юрьевич Кукин (Москва)

Невидимый Христос. Христианская проповедь в творчестве Питера Брейгеля Старшего

Наталья Валерьевна Васильева (Москва)

Красота — убедительная сила истины

Борис Сергеевич Братусь (Москва)

Значение митр. Антония Сурожского в становлении современной христианской психологии в России

Были проведены круглые столы:

«Жить в присутствии Бога: пути и препятствия» (22 сентября)

Модератор *К. М. Мацан (Москва)*

Участники: *иерей Алексей Беляев (Самара), Б. А. Воскресенский, психиатр (Москва), Н. В. Инина, психолог (Москва), М. В. Михайлова, философ (Санкт-Петербург)*

«Красота как Божественная весть и Божественная помощь» (23 сентября)

Модератор *И. К. Языкова (Москва)*

Участники: *С. С. Антонов, скульптор (Москва), А. Н. Гагинский, философ (Москва), М. Ю. Кукин, поэт, культуролог (Москва), А. Н. Солдатов, иконописец (Москва)*

Тайна присутствия: Бог в мире и человеке

IX Международная
конференция по
наследию митрополита
Антония Сурожского
22–24 сентября 2023 г.

Издано при поддержке
общественной организации
«Гражданская преемственность —
право, жизнь и достоинство», г. Москва

Благодарим за помощь в обработке
и расшифровке материалов конференции
Крестину Галицыну, Надежду Кобелеву,
Елену Никитину, Наталью Толстых

Редактор *Злата Худенко*
Верстка *Сергей Ковалец*
Обложка *Серафим Хидояттов*
Корректура *Ольга Савичева*

Издание Фонда
«Духовное наследие
митрополита Антония Сурожского»
<https://antsur.ru/>

ISBN 978-5-903898-48-0

9 785903 898480

Подписано в печать 05.12.2024
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Объем 14,5 п. л. Заказ